
Приснилось (знаю твердо,
Что это только сон),
Как схвачен я за горло —
На мне капкан лассо.

Избит я, точно площадь,
Ударами копыт,
Скачет, будто лошадь,
Время впереди.

Годов петля все туже,
Дыханье тяжелей.
Мы все познаем ужас
Своих последних дней.

Я спотыкаюсь пьяно,
Шатаюсь, как канат.
Мчит лошадь неустанно
Вперед. А я назад

Валюсь. Ненужной ношей
Недолго волочусь:
Веревка рвется, лошадь
Бежит. Я остаюсь.

Очнулся. Не подняться.
Сон нужно объяснить:
Мне страшно, мне семнадцать,
Еще есть время жить.

Но почему же в горле
Комком стоит беда,
Как будто бы я пойман
Арканом навсегда?!

1971

* * *

Чего ищу — не знаю,
 Что потерял — не ведаю.
 Живу иным на зависть
 Бесхлопотно и ветрено.

Обласканный удачей,
 Случайной и недолгой,
 Ничего не значу,
 Никому не должен.

Живу себе на радость,
 Другим на удивленье,
 Вписываюсь в радиус
 Земного населенья.

Помнить не желаю
 Жизненных начал.
 До черта обожаю
 Прогулки по ночам.

У окон под конвоем
 Брожу вокруг да около,
 И месяц надо мною,
 Как тень меча дамоклова.

Когда не плачут

А. Власову

Шаги отмерят
 клавиши лестниц
Скрипичным
 ключом ноги.
В мире,
 где столько любви и песен,
Ты остаешься
 совсем один.
Это не в первый
 и не в последний.
И потому больней
Кем-то
 выдуманная последовательность
Слишком уж
 правильных фонарей.
В мире,
 который поет и светится,
Совсем неуместна та,
 Тобою избранная в свидетельницы,
Выпрошенная темнота.
Но что поделаешь,
 если мрак
Сегодня
 нужней и краше.
А белые ночи — не более, как
Скисших сумерек
 простокваша.

Но что поделаешь,
если ты
И только город,
И только горечь
Непроходящим глотком темноты,
Комом,
застрявшим в горле.

★ ★ ★

О господи! Как часто твой каприз
Становится для смертного мученьем.
Смотри, как капли бьются о карниз,
Не дотянув до места назначенья.

И в чем они повинны пред тобой,
Что суждено им слепо и нелепо
Остаться между небом и землей,
Навек чужими
Для земли и неба.

* * *

Хочу одного. Немногого:
Хочу, чтобы было весело
От нищего до немногого,
От смертника до повешенного.

Не правда ль, немного хочется?!
Пугающего, как взрыв,
Хочу до икоты хохота,
Чтобы потом навзрыд.

Москва слезам не верит,
Не гладит по головке.
Слух этот мной проверен —
Все так, как в поговорке.

Москва не верит сказкам
И, верно, потому
Дорог не стелет скатертью
К порогу своему.

Москва не верит песне,
Сложенной на ветру,
В районе Красной Пресни,
Притихшем поутру.

Москва не верит рифмам
Неизданных стихов,
Москва не верит риску
Отчаянных голов.

Последние и первые
Распределив места,
Случается, не верит
Самой себе Москва.

Признаюсь, что к пословице
Нет у меня доверия.
И если уж по совести,
Такой Москве — не верю я.

Московский вокзал

А. Власову

Здесь пьют порядочно,
здесь бьют порядчком,
здесь лица прячут, как на суде.
Я с ними рядышком,
как пальцам в варежке,
так душно, право, мне
не по себе.

Какого черта —
я здесь в почете:
— Ах, это новенький,
привет.
И, пальцем щелкнув
под подбородок,
зовет подонок
на свой банкет.

— Поздравь с удачей,
есть на поддачу! —
И как министр:
— Не надо сдачи —
опохмелись.

Свои законы здесь,
свои оковы,
бегут погон погонь,
и шлюхи щелкают,
как щеколды —
своя любовь.

Своя здесь ценность —
к добыче цепкость:
карманы руки трут.
Вокзал Московский —
вставная челюсть
у города во рту.
Бреду к перрону
сквозь дух притóрный:
твои притоны —
не для меня.
Отсюда, вздрогнув,
как будто тронут
поводья бешеного коня,
помчатся сквозь мат и пошлость,
сквозь безбилетную дрянь
неложными неотложками
загудят поезда на Брянск.